

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

Жив-зеловек

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(4Вел)
Ч51

GILBERT KEITH CHESTERTON
Manalive
1912

Перевел с английского К. Чуковский

Честертон Г. К.

Ч51 Жив-человек : [роман] / Гилберт Кийт Честертон ;
[пер. с англ. К. Чуковского]. — М. : «Т8 Издательские
Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 195 с. —
(Серия «Мировая классика»).

«Жив-человек» (1912) — роман-притча, апология простых ценностей простой человеческой жизни и самой этой жизни, этого мира, история торжества радости и праведности. Главный герой романа, Инносент, появляется в тихом пансионе «Маяк» и переворачивает привычное существование с ног на голову.

**УДК 82-31
ББК 84(4Вел)**

© Чуковский К. И., наследники,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ISBN 978-5-521-74399-5

Часть первая

ЗАГАДКИ ИННОСЕНТА СМИТА

Глава I

КАК ВЕЛИКИЙ ВЕТЕР

ВОРВАЛСЯ В ДОМ МАЯКА

Буйный ветер поднялся на западе, словно волна неизъяснимого счастья, и понесся к востоку над Англией, распространяя прохладные ароматы лесов и пьяное дыхание моря. В миллионах закоулков и щелей он освежал человека, точно бутылка вина, и ошеломлял, как удар. В отдаленнейших комнатах глухих, непроницаемых зданий он пробуждался, как взрыв динамита. В кабинете у профессора он разбрасывал по полу рукописи, казавшиеся тем драгоценнее, чем труднее было их поймать. Он тушил свечку у школьника, читавшего «Остров сокровищ», и повергал его в кромешную тьму. Развевая над миром знамя великого бунта, он вносил драму в самые мирные души. Вздрагивала в тревоге убогая мать, увидев мотающиеся на веревочке, под ветром, на заднем дворе, пять детских рубашонков, точно повесила она пятерых своих малышей; рубашонки раздувались от ветра и начинали драться, будто в каждую вселился пузатый чертенок, и где-то в глубине удрученного сознания женщины просыпались дикие отцовские сказки о тех временах, когда среди людей жили эльфы. И много было в тот вечер незамечаемых девушек, которые, гуляя по мокрым садам, окруженным высокими стенами, бросались в гамак так отчаянно, словно бросались в Темзу. А ветер врвался сквозь зыбкую живую ограду, налетал на гамак, и гамак взлетал воздушным шаром, показывая девушке причудливые высокие тучи, а там, внизу, веселые деревни, ярко озаренные солнцем, словно девушка неслась по небесной лазури в волшебном челноке над Землей. Запыленным пономарям и викариям, бредущим среди тополей по теле-

скопам дорог, в сотый раз казался каждый тополь черным пером катафалка. Тополя были подхвачены незримою силою, взвились и завертелись вокруг каждого путника, словно венки или приветливый шелест серафимовых крыльев. Этот ветер был еще влажнее, еще вдохновеннее того старого ветра, о котором говорится в пословице, потому что это был добрый ветер, никому не навевающий зла.

Крылатый вихрь ударил по северной окраине Лондона, там, где Лондон, словно Эдинбург — терраса за террасой, — вскарабкивается на отвесные кручи. Однажды какой-то поэт, быть может возвращаясь с попойки, поднял глаза вверх и с удивлением увидел, что все улицы встали дыбом и поднялись к небесам. Ему смутно представились ледники и опоясанные канатом туристы; он назвал эту местность «Швейцарская Хижина», и прозвище прилипло к ней навсегда. С запада она обрывалась крутосклоном высоких и серых домов, по большей части пустующих, почти столь же унылых, как Грампианские горы. Крайний дом, пансионат «Маяк», узкий, высокий, обращенный к закатному солнцу, вздымался, как величественный нос покинутого людьми корабля.

Корабль, однако, был покинут не всеми.

Содержательница пансиона, некая миссис Дьюк, была одним из тех беспомощных созданий, перед коими отступает в бессилии самая злая судьба. Она улыбалась одинаковой неопределенной улыбкой — до всякого несчастья и после. Она была слишком мягка и потому не могла ушибиться. Но с помощью (вернее, под командой) предприимчивой и энергичной племянницы ей всегда удавалось удерживать у себя в пансионе несколько жильцов — по большей части молодых, но беспечных. В ту минуту, когда великий ветер примчался к подножию крайней башни и стал штурмовать ее, как море штурмует передний утес, пятеро жильцов миссис Дьюк невесело прогуливались по саду: трое мужчин и две девушки.

Весь день тяжелые тучи висели печатью проклятия над громадой лондонских домов, но квартиранты миссис

Дьюк предпочли холодный и пасмурный сад темным и унылым покоем. Когда нагрянул ветер, он разорвал небеса пополам, расшвырял тучи направо и налево и обнажил необъятные ясные горны вечернего золота. Струя света сбросила оковы почти в то самое мгновение, когда сорвался ураган и яростно накинулся на все, что лежало у него по пути. Низкая блестящая трава сразу полегла в одну сторону, словно приглаженные щеткою волосы. Каждый кустик в саду стал дергаться, срываться с корешка, словно собака с цепи. Каждый прыгающий листочек понесла на себе всесокрушительная буйная сила. Как стрелы из арбалета, со свистом неслись отломанные от деревьев ветки. Закоченелые мужчины встали спиной к ветру, словно опираясь на стену. Дамы кинулись в дом, или, говоря по правде, дамы были вдунуты в дом. Их блузы — синяя и белая — казались большими цветками, гонимыми бурей. Это высокое сравнение было в ту пору уместно: таким романтическим чудом явился поток воздуха и света, хлынувший на землю после долгого, темного, туманного дня. Трава и деревья в саду засветились ласковым и в то же время призрачным сиянием закатного солнца — будто светом костра из волшебного царства. Было похоже, что солнце ошиблось: восходило не утром, а вечером.

Девушка в белом нырнула в дом чрезвычайно поспешно, потому что ее белая шляпа, величиной с парашют, грозила унести ее к раскрашенным вечерним облакам. Для безденежных обитателей пансиона она была олицетворением богатства и роскоши, ибо не так давно получила небольшое наследство. Она поселилась в «Маяке» на днях и проживала там вместе с подругой. Темноглазая, круглолицая, она была при этом решительна и даже, пожалуй, бойка. Увенчанная богатством, добродушная и миловидная, она, однако, оставалась незамужней. Быть может, она не выходила замуж потому, что постоянно была окружена целым роем поклонников. У нее были хорошие манеры (хотя многие называли бы ее вульгарной); на нереши-

тельных юнцов она производила впечатление очень обшительной и вместе с тем недоступной женщины. Влюбленному казалось, будто он влюблен в Клеопатру или стучится у двери в уборную к знаменитой актрисе. Театральные блески и в самом деле украшали мисс Хант: она играла на гитаре и на мандолине и вечно требовала, чтобы ставили шарады. Грандиозный турнир солнца и бури затронул ее театральные чувства: детскую мелодраму почувствовала она в этом турнире. Над бурным хаосом пространства взвились облака, словно занавес над долгожданной пантомимой.

Девушка в синем тоже не осталась равнодушна к апокалипсису в маленьком саду, хотя во всем свете не было более прозаического существа, чем она; это была та предприимчивая, энергичная племянница, которая своей энергией спасала пансион от краха. Но когда ветер раздул ее юбку и юбку мисс Хант — синюю и белую — наподобие гигантских грибовидных кринолинов времен королевы Виктории, в ее душе тоже проснулось поэтическое, забытое, дивное: пыльный том «Панча», который она читала ребенком у тетки, обручи кринолинов, обручи крокета на картинке и какой-то грациозный рассказ, в котором, кажется, говорилось о них. Это слабое благоухание прошлого поблекло почти мгновенно, и Диана Дьюк вошла в дом еще поспешнее, чем ее спутница. Тонкая, стройная, гибкая, черная, она, казалось, была создана для стремительных внезапных движений. Фигурой она напоминала тех продолговатых птиц и зверей, которые отличаются большой быстротой: борзую, или цаплю, или даже безобидную змею. Весь дом вертелся на ней, как на стальном стержне. Она не то чтобы командовала в доме, о нет! Но она была так энергична и так нетерпелива, что сама исполняла свои приказания, не дожидаясь, чтобы их исполнили другие. Прежде чем монтер успевал починить электрический звонок, или слесарь — открыть дверь, или дантист — вырвать расшатанный зуб, или буфетчик — выдернуть тугую пробку, — это уже было сделано —

молчаливо и яростно — ее стремительными маленькими пальчиками. Она была подвижна, но в этой подвижности не было ничего суебливого. Она шпорила землю, по которой ступала. Много было говорено о трагедии некрасивых женщин; но еще больше трогает трагедия женщины, которая красива и одарена всеми достоинствами, за исключением женственности.

— Ну и ветер! Голову сорвет! — сказала девушка в белом, направляясь к зеркалу.

Девушка в синем ничего не ответила, сняла перчатки, подошла к буфету и стала расстилать на столе дневную чайную скатерть.

— Я говорю, голову сорвет! — повторила мисс Розамунда Хант. Она была непоколебимо уверена, что слова и песни, исходящие из ее уст, не потеряют своей прелести от повторения.

— Не голову, а шляпу! — сказала Диана Дьюк. — Но шляпа иногда поважнее.

Лицо Розамунды приняло на минуту капризное выражение избалованного ребенка, но скоро опять отразило добродушие очень здоровой женщины.

— Силен же должен быть ветер, который снесет вашу голову, — со смехом сказала она.

Снова наступило молчание. Снова закатное солнце прорвалось сквозь разорванные тучи, залило комнату мягким огнем и расписало мрачные стены золотыми и пурпурными красками.

— Мне кто-то говорил, — сказала Розамунда Хант, — что, если потеряешь сердце, легче сохранить голову.

— Перестаньте болтать чепуху! — резко перебила Диана.

Сад облачился в роскошные золотые одежды. Но ветер продолжал бушевать, и мужчинам также пришлось призадуматься над проблемой шляп и голов. У каждого из них шляпа отлично выражала характер владельца. У самого высокого на голове был цилиндр; ветер казался столь же бессилён поколебать эту башню, как сдвинуть

с места унылую громаду пансиона. Второй сначала пытался удержать на голове свою жесткую соломенную шляпу, но в конце концов ему пришлось снять ее и взять в руку. Третий был без шляпы и держался так, словно шляпы у него никогда и не было. Быть может, ветер служил волшебным жезлом для распознавания мужчин и женщин, — столько своего, самобытного проявилось у каждого из этих мужчин при испытании ветром.

Мужчина в солидном шелковом цилиндре был воплощением шелковой мягкости и солидности — большой, ласковой, скупающей и (по мнению некоторых) навевающей скуку. У него были гладкие светлые волосы, черты лица красивые и крупные, звали его Уорнер, он был преуспевающий доктор. Хотя его бесцветные волосы и придавали ему некоторую простоватость, он был далеко не глуп. Если Розамунда Хант слыла единственной богачкой в пансионе, то Уорнер был среди собравшейся компании единственным человеком, снискавшим в мире кое-какую славу. Его трактат «О возможности ощущения боли низшими организмами» превозносился повсюду в ученых кругах как солидный и вместе с тем смелый труд. Короче говоря, у него были мозги, и не его вина, если такие мозги можно исследовать лишь кочергой.

Молодой человек, то снимавший, то надевавший шляпу, был дилетантом в науке. С восторженной непосредственностью боготворил он великого Уорнера. Это он пригласил его сюда, в пансион. Уорнер и не мог быть, конечно, обитателем этого убогого жилья — он занимал собственный докторский дом на Харли-стрит. Румяный, темноволосый и застенчивый юноша был самым молодым и миловидным из всех трех джентльменов. Но он принадлежал к тому разряду людей, у которых красота соединена с незначительностью. Мигая глазами, весь красный, стоял он лицом к ветру, и нежные черты его лица грубели и темнели, покрываясь коричнево-красным румянцем. Он был самый заурядный и незаметный молодой человек. Все знали, что зовут его Артур Инглвуд, что